

*Евгений Першин*

**ЭПИТЕТЫ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ КОНЦЕПТЫ <ЗЕМЛЯ> И <ВОДА>, В  
ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЙ КАРТИНЕ МИРА К. Г. ПАУСТОВСКОГО**

Художественные тексты, как и сам язык в целом, являются продуктами творческой и интеллектуальной деятельности человека. Они эксплицируют знания автора об окружающей действительности, показывают его индивидуальное видение тех или иных её реалий в языковой картине мира (ЯКМ). В «Словаре лингвистических терминов» Т. В. Жебрило ЯКМ трактуется как «специфический для каждого языка способ отражения и представления в языке действительности, "языковое мировидение"» [3, 346].

Сегодня в лингвистике понятие картины мира базируется на изучении представлений человека о мире; и если мир — взаимодействие человека и среды, в которую он погружён, то картина мира — это результат интерпретации информации, полученной в результате этого взаимодействия. Эта информация «укладывается» в некие концепты.

В «Словаре русской культуры» Ю. С. Степанов даёт такую дефиницию этому понятию: «Концепт — это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт — это то, посредством чего человек — рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» — сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на неё» [4, 43]. Поскольку концепт включает в себя гнёзда понятий, то в современной лингвистике принято изучать концепты в совокупности всех их лексических единиц в их многообразии, то есть посредством тематических групп.

Автор как языковая личность, создавая свои тексты, обращается к концептам, раскрывая при помощи языковых знаков своё к ним отношение. Одним из средств такого выражения могут служить эпитеты, поскольку они, как считает С. А. Губанов, «вербализуют конкретные признаки», которыми языковая личность автора наделяет ту или иную реалию в действительности [1, 134].

Концепт <земля> в русской языковой картине мира представлен, согласно толково-понятийному словарю А. А. Шушкова, лексемами: (1) со значением «верхний слой Земли»: *почва, грунт, земля*; (2) со значением «земля в противоположность воде»: *земля, суша, побережье, берег, остров*.

Разумеется, в индивидуально-авторской картине мира каждого автора этот концепт может быть представлен и рядом других лексем тематической группы «земля», свидетельствуя о своеобразии картирования окружающей действительности в сознании данной языковой личности. Так, проанализировав повесть К. Г. Паустовского «Время больших ожиданий», мы считаем логичным добавить в концепт «земля» авторской ЯКМ лексемы *обрыв, пляж, поле, камень, глина, дюна, степь*. Наше мнение основано на наличии у этих слов общих сем «имеющий отношение к рельефу», «часть поверхности земли».

Все выше упомянутые лексемы в тексте получают следующие характеристики:

- земля: *глинистая, холодная, грязная, неподметённая, древняя, ржавая (2), рудая, суровая, рыжая, коричнево-чёрная, неподатливая, каменистая*;
- обрыв: *высокий, отвесный*;
- берег: *крутой, рыжий, поросший лебедой и пыльной марью, сожжённый тысячелетним солнцем, охристый, пепельный, сизоватый, ржавый, сухой, пригородный*;
- пляж: *туманный, бесконечный, закатный*;
- побережье: *холодное, затянутое чёрным дымом штормовых ночей, жаркое, лиловатое*;
- поле: *родное, нищее*;
- камень: *нагретый, плоский, прибрежный, могильный, жёлтый, инкерманский*;
- глина: *обнаженная, окаменелая, красная, сарматская*;
- дюна: *песчаная*;
- степь: *сухая, прибрежная, солончаковая*.

В «Словаре эпитетов» К. С. Горбачевича и Е. П. Хабло из представленного списка имеется только эпитет *сухая*; значит, все остальные можно считать функциональными репрезентантами идиостиля Паустовского.

Все вышеперечисленные эпитеты являются книжными. Они употребляются как в прямом, так и в переносном (метафорическом) смысле: *ржавая земля, ржавый берег, жаркое*

*побережье*. Эти характеристики представлены именами прилагательными и причастиями. Среди имён прилагательных наиболее часто встречаются качественные, обозначающие цвет или его оттенок (*коричнево-чёрная, рыжая, охристая, пепельная*), а также температуру (*холодная, жаркое*), физическое состояние (*плоская, сухая*). Для усиления подобных характеристик автор либо употреблял некоторые эпитеты неоднократно (*ржавая, сухая, каменистая*), либо использовал синонимы (*ржавая, рудая, рыжая, пепельная, коричнево-чёрная*). Причастия встречаются гораздо реже прилагательных, но почти все они страдательного залога и свидетельствуют о том, что действие над <землёй> было выполнено кем-то (*затянутое чёрным дымом штормовых ночей, нагретый, сожжённый тысячелетним солнцем*).

В ряде прилагательных встречается суффикс *-ист-*, который вносит дополнительное значение «обладающий большим количеством чего-то» (*глинистая, каменистая, охристый*), а в иных – суффикс *-оват-* со значением «неполнота признака» (*сизоватый, лиловатый*). Такие словообразовательные элементы свидетельствуют об интенсивности того или иного признака.

В пределах одного синтаксического целого лексемы тематической группы «земля» довольно часто сочетаются с фитонимами и зоонимами:

- *Справа крутые рыжие берега, поросшие лебедой и пыльной марью, шли к Аркадии и Фонтанам, к туманным пляжам, где море часто выбрасывало сорванные с якорей плавучие мины.*
- *Я вытащил ветку дрока, лёг плашмя на нагретый камень и положил ветку у самых своих глаз.*
- *Берегапряно и пыльно пахли давно перезревшей и осыпавшейся лебедой.*
- *Но лучшие всего было ошеломившее меня в первое же утро открытие, что весь этот сухой берег с его колючками, осыпями, золотым дроком, ветрами, зернистым пляжем, грудками водорослей, небом и облаками, все это жаркое и лиловое побережье не принадлежит никому, вернее, принадлежит только мне одному.*
- *Я сажал Киру в ничтожной тени от сухих кустов акаций на берегу, сам же переходил на плоские прибрежные камни и удил оттуда бычков.*

Видимо, в языковом сознании автора <земля> закрепились как объект, дающий жизнь всему живому, отсюда и такое частотное употребление названий растений и животных, символизирующих жизнь.

Слова тематической группы «земля» в контексте часто пересекаются со словами тематической группы «вода»:

- *На Ланжероне, на маленькой и пустынной Черноморской улице, тянувшейся по обрыву над морем, был частный санаторий для нервных больных доктора Ландесмана.*
- *От такого солнца и воздуха берега приобретают суровый цвет – охристый, пепельный и сизоватый, как окалина, – цвет незапамятных времен, цвет вечности. И на эти ржавые берега, на обнажённую, окаменелую глину равномерно набегают из столетия в столетие неисчислимы волны.*
- *Особенно хорошо было возвращаться по бесконечным закатным пляжам, по самой кромке прибоя, где песок на минуту твердел после каждого наката волны.*

Это можно объяснить тем, что повесть «Время больших ожиданий» писалась К. Г. Паустовским во время вынужденного пребывания в Одессе, где обыденная жизнь, так или иначе, зависела от моря. Иными словами, такое явление пересечения лексем этих тематических полей обусловлено влиянием природных условий на формирование авторского идиостиля в рамках индивидуальной картины мира.

Концепт <вода> согласно тому же словарю А. А. Шушкова представлен набором следующих лексем: (1) со значением «слова, обозначающие воду»: *вода, влага, роса*; (2) со значением «струя воды, выходящая на поверхность»: *источник, ключ, ручей, родник*.

Проанализировав текст повести «Время больших ожиданий», мы выделили лексемы, которые в языковом сознании К. Г. Паустовского образуют тематическую группу «вода» на основании общих сем «капля», «жидкость», «физическое состояние воды». Каждой из них в рамках данного текста были даны такие характеристики:

- вода: *чистая, тёплая, холодящая, холодная, морская (3), зеленоватая, упругая, южная, осатанелая, свинцовая, серо-зелёная, бешеная, серая, прозрачная*;
- дождь: *холодный*;
- море: *великолепное (2), цинковое, мёртвое, пустое (3), утреннее, открытое (2), тёплое, литое, северное, фиолетовое, густое, яркое, веселое, разъяренное, штормовое, бурлящее, оловянное, онемевшее*;
- вал: *гремящий, мутный*;
- речка: *мелкая-мелкая, широкая, шумная*;
- сырость: *пронзительная*;
- волна: *исполинская, черноморская, широкая, неисчислимая, длинная, крутая, маслянистая*;
- капля: *тяжёлая*;
- прибой: *предвечерний*.

Сравнивая наши результаты с данными словаря эпитетов К. С. Горбачевича и Е. П. Хабло, в котором встречаем такие эпитеты: *тёплая, холодная, шумная, гремящая*, – приходим к выводу, что почти все эпитеты функционируют только в идиостиле К. Г. Паустовского. Причём характерной особенностью является употребление наряду с книжными эпитетами разговорных (*холодящая, осатанелая, бешеная*).

Большая часть этих эпитетов представлена качественными именами прилагательными. Они обозначают цвет (*зеленоватая, свинцовая, фиолетовая*), характеризуют физические параметры: характер течения, поверхность (*широкая, тяжёлая, длинная, шумная*), а некоторые приписывают воде эмоциональные состояния, присущие человеку (*осатанелая, разъяренное, онемевшее, весёлое*). Гораздо реже встречаются относительные имена прилагательные (*предвечерний, оловянное*) и причастия действительного залога, которые характеризуют «воду» как исключительно активный объект (*бурлящее, гремящий*).

Все эти эпитеты можно разделить на три группы:

1. Эпитеты, в которых заложены положительные коннотации: *чистая, тёплая, великолепное, яркое, весёлое*.
2. Эпитеты, в которых присутствуют негативные коннотации, рисующие <воду> как стихийное бедствие: *холодящая, осатанелая, бешеная, серая, холодный, мёртвое, разъяренное, штормовое, онемевшее, гремящий, мутный*.

3. Остальные эпитеты (как правило, обозначающие цвет или физическое состояние) не содержат дополнительных коннотаций.

Таким образом, <вода>, с одной стороны, предстаёт перед нами как источник безмятежности, а с другой, – как нечто, таящее опасность, неизвестность. Для проявления этих смыслов, а также для уточнения интенсивности того или иного признака автор иногда пользовался средствами словообразования. Так, для придания эпитету *холодящая* негативной оценки, он использовал разговорный суффикс *-ющ-*, который привносит дополнительную сему «неодобрения»; чтобы показать неполноту признака, он использует суффикс *-оват-* (*зеленоватая*), а чтобы показать его «избыток» – суффикс *-ист-* (*маслянистая*).

Если говорить о синтаксической сочетаемости концепта «вода» и его эпитетов, то стоит отметить, что чаще всего они встречались с глаголами и именами существительными, обозначающими чувственное восприятие:

- *Даже море **пахнет** ржавым железом.*
- *С палубы шаланды вы не только увидите море вблизи, но можете даже **услышать** совсем рядом крепкий запах морской воды, как раз в то время, когда шаланда будет проходить мимо подводных камней.*
- *Мне трудно передать удивительное ощущение солнечного жара, смягченного морской водой, **прикосновения** солнечной радиации к моим пальцам, между которыми переливалась зеленоватая упругая вода.*

Достаточно часто в пределах одного смыслового целого параллельно со словами тематической группы «вода» употребляются слова, которые можно объединить в лексико-семантическое поле «судоходство»:

- *А море продолжало быть таким пустынным, что мы, кажется, не удивились бы, если бы заметили на нем бронзовые носы **греческих трирем** или цветные **паруса финикиян**, хотя это и были давно исчезнувшие древние суда.*
- *И это было тем удивительнее и тяжелее, что рядом сверкало тёплое море, шумел нарядный город, цвели акации, солнечный свет придавал большой оттенок зданиям, на улицах, несмотря на голод, было много смеющихся людей, пахло цветами, и низко горели в морских далах чистые звёзды, похожие на огни **бакенов**.*
- ***Пароход** глухо взвыл, повалился набок, и я увидел сквозь иллюминатор, как вода широкими водопадами сливается с палубы обратно в море.*
- *Потом вдруг медленной молнией загорелся огонь на Тарханкутском **маяке**, обвёл седым лучом бурлящее море и погас до новой вспышки.*
- *Пустое море, где злое проносились быстрые сторожевые **суда**, бессмысленный орудийный огонь с моря по окраинным огородам, погасили **маяки**, взорванный у входа в **порт** транспорт, стеньги его мачт над водой, далекий луч прожектора рядом с мерцанием Млечного Пути и лёгкость во всём теле от недоедания.*

<Вода> в изображении К. Г. Паустовского предстаёт перед нами как активный элемент окружающей действительности. Об этом свидетельствуют:

А) Глаголы, выступающие в фигурах персонификации (олицетворения), что приравнивает действия, совершаемые водой, к действиям, совершаемым людьми:

- *И всё время бок о бок со мной **играло**, как расплавленная ляпис-лазурь, великолепное море – бездна свежести и успокоительного шума.*

- *Такая отпетая печаль была заключена в аспидных, как дым, степных далах, так жестко, как маленькие трещотки, хрустела под ветром трава, и так заунывно **стонало** море, накатывая на берега траурную пену, что сердце у меня сжалось от одиночества, и я вернулся в Севастополь.*

Б) Глаголы движения и перемещения:

- *Странно было сознавать, что в четырёх миллиметрах от твоего разгоряченного лица **несутся** во мраке горы ледяной осатанелой воды.*

- *Длинные и крутые волны **вздымались** и **неслись** от горизонта до горизонта. Они **знали** перед собой буруны и открывали в провалах величественную и мучительную картину движения свинцовых водных громад той ураганной области, через которую мы должны были прорваться, чтобы остаться в живых.*

- *Потом я увидел впереди исполинскую стену разъяренного моря, **катищууюся** на нас с космическим гулом во весь разворот горизонта.*

В индивидуально-авторской картине мира К. Г. Паустовского соотношение между эпитетами, характеризующими концепты <земля> и <вода>, неравное: 46,6% из них описывают ТГ «земля» и 53,4% – ТГ «вода».

### Список использованной литературы

1. Горбачевич К. С. Словарь эпитетов русского литературного языка / К. С. Горбачевич, Е. П. Хабло. – Л. : Наука, 1979. – 567 с.
2. Губанов С. А. Эпитет и его функционирование в идиостиле М. Цветаевой / С. А. Губанов // Вестник КемМГУ. – М. : КемМГУ, 2010. – № 4. – С. 133–136.
3. Жебрило Т. В. Словарь лингвистических терминов. – 4-е изд., испр. и доп. / Т. В. Жебрило. – Назрань : Пилигрим, 2005. – 376 с.
4. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. – 3-е изд. / Ю. С. Степанов. – М. : Академический проект, 2004. – 824 с.
5. Шушков А. А. Толково-понятийный словарь русского языка / А. А. Шушков. – М : АСТ, Астрель, Транзиткнига, 2003. – 768 с.
6. Цыганенко Г. П. Словарь служебных морфем русского языка / Г. П. Цыганенко. – К. : Радянська школа, 1982. – 240 с.